

V. ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (470)

Т.А. Шеметова

ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕТСКО-СИНЬЦЗЯНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В УРУМЧИ О ВРЕМЕННОМ ТОРГОВОМ СОГЛАШЕНИИ

Рассматриваются предпосылки начала переговоров в Урумчи о заключении Временного торгового соглашения между СССР и китайской провинцией Синьцзян в период с августа 1923 по май 1924 г. Проводится анализ проблем, которые возникали в ходе переговорного процесса, а также пути их решения. Рассмотрены итоги данных переговоров и их последствия.

Ключевые слова: Синьцзян, СССР, Временное торговое соглашение.

Вопроса о подписании Временного торгового соглашения с китайской провинцией Синьцзян касались в своих работах многие видные и начинающие ученые. В большинстве работ по этому поводу сложилось довольно устойчивое мнение о большей заинтересованности в переговорном процессе именно Синьцзяна и его значительных положительных последствиях на дальнейшее развитие советско-синьцзянских торгово-экономических отношений. При этом, как правило, указывалось, опираясь на дореволюционные данные, о значительной зависимости провинции в экономическом плане от СССР. Якобы в Западном Китае «скопились огромные залежи сырья и скота», что требовало выхода на внешние рынки, и, прежде всего, имелся в виду Советский Союз, исходя из благоприятного географического фактора. Второе утверждение следовало из первого. Если Синьцзян зависим от поставок сырья и скота. В СССР одним из основных рычагов давления на партнера в ходе переговоров нужно использовать экономический фактор. Третье общепринятое положение касалось итогов и последствий переговоров в Урумчи. Указывалось, что результаты переговоров «оказали значительное влияние в плане более глубокого взаимопонимания между СССР и провинцией Синьцзян», и отказ уполномоченного Советского Союза подписать практически готовое соглашение не оказал негативного влияния на дальнейшее формирование советско-синьцзянских отношений. И, наконец, практически все исследователи, так или иначе сталкивающиеся с данным сюжетом, именовали направленную со стороны СССР в Урумчи для ведения переговоров во главе с Э.К. Озорниным группу делегацией, хотя таковой она не являлась. В документах четко указывается, что Э.К. Озорнин был назначен уполномоченным для проведения переговоров, и никто членом его

группы не делегировал каких-либо других полномочий. Об этом было договорено на предварительных с китайцами консультациях. Например, когда Э.К. Озорнину понадобился специалист по синьцзянской экономике, то в Москве и Ташкенте было принято принципиальное решение, что представитель Внешторга поедет на переговоры в Урумчи только как сотрудник Озорнина.

Однако вскоре Э.К. Озорнин получил телеграмму о назначении в Урумчи Палюкайтиса «членом делегации», что привело его в «недоумение и уныние». «Ведь совершенно же ясно было условлено, что никакой делегации нет и нам не выгодно ее иметь, и теперь, когда работа уже началась, когда юридическая физиономия обеих сторон обследована и определена, может совершенно неожиданно выплыть вопрос, мешавший работе ... характеризующий нас в глазах китайцев весьма мало организованными в наших внутренних взаимоотношениях», – с возмущением писал он Л.М. Карахану [1. Л. 129а]. Незнание некоторыми представителями советских властей специальной терминологии создало немало трудностей в ходе переговоров в Урумчи. То же некорректное название встречается и у ряда исследователей. Мы не согласны со сложившимся мнением по указанным моментам и на основании документов попытаемся их опровергнуть.

Большую роль в развитии торгово-экономических отношений между государствами играет наличие торгового соглашения, которое регулирует правовой порядок торговли. Именно отсутствие подобного рода договора мешало советским властям расширить свое экономическое и политическое влияние в китайской провинции Синьцзян в начале 20-х гг. XX в. Подписанный в мае 1920 г. «Илийский протокол», регулировавший торговлю с Кульджинским округом, не отвечал новым тре-

бованиям. Последующие делегации, направленные советским правительством в Урумчи в 1921 и 1922 гг., завершились неудачей.

Очередной раунд переговоров начался в августе 1923 г. и продолжался до мая 1924 г. Нужно признать, что китайцы при встрече советских представителей постоянно подчеркивали свою большую заинтересованность в заключении соглашения и, как отмечал в своем послании Л.М. Карахану уполномоченный в Урумчи Э.К. Озорнин, «...боятся лишь, что мы опять к соглашению отнесемся недостаточно серьезно; этот вопрос является основной темой, при всяком ими нас прощупывании» [1. Л. 125]. Советская сторона была не менее заинтересована в подписании нового торгового соглашения с Синьцзяном. Политика нэпа дала положительные результаты, и развивавшаяся промышленность стала остро испытывать нехватку сырья, поставки которого в дореволюционный период осуществлялись из Синьцзяна. По-прежнему советские приграничные территории ощущали недостаток продовольствия. Документальные источники также позволяют сделать вывод о том, что, кроме экономических причин, у Советского Союза имелись и политические мотивы. В письме своему заместителю Л.М. Карахану народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин указывал, что на «...сепаратные переговоры мы пошли в момент, когда не было почти никакой надежды на скорое общее соглашение с Китаем и только этим путем нам казалось возможным, так или иначе, обеспечить наши политические и экономические интересы в Синьцзяне» [1. Л. 147]. Иначе обстоит дело с мотивацией возобновления переговоров со стороны властей провинции. С точки зрения Э.К. Озорнина, с которой можно согласиться, основная причина согласия на переговоры со стороны китайцев являлась исключительно политической. По его мнению, «...истинный побудитель китайцев к соглашению с нами выяснился, конечно, не сейчас, и я уже в целом ряде различных докладов утверждал, что причины вовсе не экономического характера заставляют китайцев вести с нами переговоры» [1. Л. 88]. Анализируя ход переговоров, он отметил еще ряд просчетов, допущенных политическим отделом Среднего Востока в оценке социально-экономической и политической ситуации в Синьцзяне, которые не позволили полностью использовать имевшийся у советских представителей потенциал в процессе переговоров. В ходе переговоров выяснилось, что точка зрения о «громдой заинтересованности в нас» синьцзянских властей, доминирующая в верхних эшелонах советской

власти, оказалась ошибочной. Если определенная экономическая заинтересованность и имела, то это обстоятельство являлось лишь второстепенным фактором, заставляющим китайцев искать точки соприкосновения с Советским Союзом. Далее в своем письме Г.В. Чичерину Э.К. Озорнин так аргументировал свои выводы по этому вопросу: «Синьцзян действительно имеет экспортный хлопок и шерсть. О скоте говорить не приходится, так как в последние годы рядом повторившихся джутов скот настолько уменьшился в своем количестве, что одно время серьезно предполагали на несколько лет совершенно воспретить вывоз скота из Синьцзяна, и сейчас при разработке пошлин они пытаются ввести запретительные вывозные пошлины» [1. Л. 88]. Постановление Совнаркома о снятии не только пошлин, но и лицензий на ввоз скота в Советский Союз из Синьцзяна совершенно не привело китайцев в ожидаемый советскими властями восторг, а, наоборот, заставило их подумать о создании условий, при которых скот не вывозился бы из провинции. Вопрос с хлопком и шерстью обстоял несколько иначе. Эти виды сырья в Синьцзяне действительно имелись и могли бы вывозиться из провинции в большом количестве для нужд советской промышленности. Но власти СССР делали из этого обстоятельства неправильный вывод о полной зависимости от потребностей советского рынка китайского купечества, занимавшегося поставками шерсти и хлопка и другого сырья: «Оно, вывозится и сейчас и мы совершенно не правы, предполагая, что с этим сырьем дело обстоит здесь так безнадежно» [1. Л. 88]. Когда советские эксперты оценивали экономическое положение Синьцзяна, сложившееся к 1923–1924 гг., они делали ошибку в исходном положении. За основу были взяты данные об экономике Синьцзяна из практики довоенных лет. Во внимание не принимался тот факт, что за годы ослабления торговых отношений с Россией Синьцзянская провинция в определенной степени научилась обходиться без ее рынка. Новые условия во взаимоотношениях с Советской Россией, а затем Советским Союзом привели к изменению в экономике и торговле этой провинции. Прежде всего, трансформация затронула торговлю. Если в дореволюционный период сырье из Синьцзянской провинции вывозилось исключительно в Россию, то в рассматриваемый период оно стало экспортироваться и на Восток. Значительные видоизменения произошли в экономике провинции. Площади, которые ранее использовались для выращивания хлопка, значительно уменьшились, а производство пшеницы возросло, на юге провинции были уве-

личены объемы посевов риса, что привело к снижению производства экспортного хлопка. На количество экспортируемого хлопка повлияло и то обстоятельство, что население Синьцзяна стало в большей степени одеваться не в российский сатин, как традиционно сложилось, а в материю (мату) собственного производства. За годы революции и Гражданской войны в России местное население провинции привыкло к этой материи, а ее дешевизна, в сравнении с российским ситцем, «дает нам полную уверенность встретить громадные затруднения, кои нам придется побороть, при ввозе и распределении здесь нашей мануфактуры» [1. Л. 87]. Часть оставшегося после производства маты хлопка шла на экспорт в советское государство, которое, несмотря на отсутствие договора, продолжало торговлю с Западным Китаем. В сложившейся ситуации Советский Союз был настолько заинтересован в этой торговле, что даже во время переговоров в Урумчи, когда в целях давления на китайских представителей была принята попытка закрыть границу до подписания соглашения, сделать этого советская сторона не смогла.

Другая часть экспортного хлопка шла на Восток, чаще всего в адрес одной из иностранных фирм. Дешевизна сырья в Синьцзяне давала возможность его экспорта через Дальний Восток. Желающих купить сырье было немало и в самой провинции, где ранее, кроме купцов из царской России не было ни одного иностранца, а в указанный период времени было открыто большое количество английских, американских, немецких и других торговых фирм. В отношении экспорта шерсти, особенно высших сортов, вопрос обстоил еще более благоприятно для китайских торговцев. На этот вид сырья существовал громадный спрос со стороны иностранных фирм, в том числе Советский Союз закупал его в больших количествах для нужд промышленности. Сложившееся положение дел на рынке Синьцзяна в большей степени устраивало власти провинции, они не считали его более выгодным, чем прежде, но, по мнению Э.К. Озорнина. «во всяком случае, принимают шаги к упрочению такого положения, чем к изменению его» [1. Л. 87].

Если до Октябрьской революции в России иностранная торговля в этой китайской провинции всегда сталкивалась с массой препятствий, то в начале 1920-х гг. для нее были открыты почти все города Синьцзяна, а в конце 1923 г. Пекинское правительство открыло даже Урумчи. Такая политика китайских властей вполне объяснима. Дуцзюну была необходима валюта, а иностранцы, ко-

торые производили закупки в Синьцзяне, ее давали. Советский Союз позволить себе этого не мог. В случае восстановления прежнего положения торговли Синьцзяна исключительно с СССР дуцзюн поставил бы провинцию в условия полной зависимости от Внешторга, что привело бы к возобновлению ввоза в Синьцзян фабрикатов советского производства в обмен на сырье, что уже не устраивало синьцзянские власти. Это обстоятельство являлось одной из причин ожесточенной борьбы, которую проводили власти Синьцзяна в отношении Внешторга. Это объясняло их стремление при подписании соглашения не допустить Внешторг на территорию Восточного Туркестана.

Несмотря на это, китайцы шли на соглашение с СССР, фактически уступая по целому ряду вопросов, предоставлявших Советскому Союзу односторонние выгоды. Сознательно жертвуя частью своих экономических интересов, китайцы считали, по мнению Озорнина, что «для них даже и при этих условиях выгодно иметь с нами, соглашение, наличие которого гарантирует им безопасность Синьцзяна от наших агрессивных намерений, в наличии которых они не сомневаются ни одной минуты. Вот это, пожалуй, и является одной из главных причин, заставляющих китайцев идти на переговоры с нами» [1. Л. 86]. Опасность, которую китайцы ожидали от СССР, по мнению того же Э.К. Озорнина, имела со стороны соседней с Западным Китаем Монголии. Факт получения Монголией автономии очень сильно влиял на настроение поработанных китайцами западных монголов, населявших северные районы Синьцзяна. Эта часть населения провинции являлась прекрасным материалом для агитации за восстание в пользу освобождения от китайцев и соединения с автономной Монголией. Сложившееся положение дел беспокоило китайские власти. Они боялись, что при скрытой поддержке Советского Союза монгольские войска могли появиться на территории Синьцзянской провинции, а это грозило китайцам потерей Джунгарии, богатой полезными ископаемыми и являвшейся объектом для колонизации. Как писал по этому поводу в своем письме Г.В. Чичерину Э.К. Озорнин: «Боязнь китайцев в данном случае совершенно понятна ... в случае движения монгольских войск Синьцзян никакой помощи из центра не получит, да если бы и были посланы на подмогу войска, они пришли бы слишком поздно. Рассчитывать же на собственные синьцзянские силы было бы смешно. Между тем расстояние от Кобдо до синьцзянской границы очень небольшое, что даже из Урумчи это расстояние больше» [1. Л. 86]. Действительно, во-

оруженные силы Синьцзяна были незначительными. По сведениям, полученным из донесения одного из членов Монгольской народной партии в 1922 г., они состояли из 4040 солдат и офицеров [12. Д. 27. Л. 8–9], на вооружении которых находилось около 25 пушек, в большинстве своем (по сведениям того же агента) испорченных, до 10 пулеметов, и очень небольшого количества к ним снарядов и патронов. Китайские солдаты были вооружены японскими и русскими винтовками... кремневками и берданками, к которым не имелось ни одного патрона [13. Д. 27. Л. 9]. По данным, полученным Исполкомом Коминтерна от агента С. Нацова из Кульджи, к началу 1924 г. общая численность войск Западного Китая «всех родов и группировок составляет 17391 человек» [14. Д. 48. Л. 31]. Также агент в своем донесении указывал на низкий уровень подготовки солдат синьцзянской армии, на некомпетентность командующего состава. В итоге им был сделан вывод о том, что «вооруженные силы Синьцзяна не способны не только на наступление, но и на оборону своей границы» [15. Д. 48. Л. 38]. Существовавшие в китайской провинции вооруженные силы были не в состоянии отразить наступление монгольской армии, в случае если последняя начала бы вторжение на территорию синьцзянской провинции. Китайцы не могли рассчитывать в этой ситуации и на вмешательство иностранцев, которые не могли из-за дальности расстояний быстро перебросить свои войска в провинцию.

Во-вторых, китайцы боялись возможности активных выступлений Советского Союза против Синьцзяна. Наконец, китайцы были не уверены в том, что СССР будет вообще воздерживаться от проведения революционной работы по организации отдельных групп и народов Синьцзяна, с целью помочь последним восстать против китайских властей. Это предположение властей провинции также было не лишено оснований. Еще в 1922 г. некоторыми представителями Коминтерна рассматривалась «своевременность и целесообразность постановки революционной работы в настоящий момент в Или-Тарбагатайском крае», в которую, «несомненно, будет втянута и вся Синьцзянская провинция, а возможно и Ганьсуйская, лежащая между Тибетом и Монголией» [16. Д. 20. Л. 4]. С позиции революционной Монголии и II Интернационала, эта работа признавалась нужной и своевременной, так как монгольские военные власти и политические круги, в свою очередь, не исключали возможности наступления китайских войск, в том числе и со стороны провинции Синьцзян, с целью захвата Кобдо и Урянхайского края.

С этой точки зрения «создание революционного взрыва в глубоком тылу западнокитайской армии является не только революционной, но и военно-стратегической необходимостью, как и постановка революционной работы в юго-восточной Монголии» [17. Д. 20. Л. 4]. Тем более, что данные военно-политической разведки, проведенной партией и правительством МНР, а также данные особой делегации, побывавшей в Синьцзянской провинции и заручившейся там официальными документами о «готовности воссоздать 11 сеймов киттуркестанских монгол» и установившей связь с революционными организациями синьцзянских мусульман, свидетельствовали о наличии сильного революционного движения в провинции [18. Д. 27. Л. 4].

Поэтому разработка проекта о заключении с СССР торгового, а не политического соглашения фактически не удовлетворяла китайцев. Дуцзюн не раз заводил разговоры с Э.К. Озорниным о том, что «после подписания соглашения недурно было бы нам подписать еще несколько соглашений, уже секретного характера» [19. Д. 27. Л. 85]. Попытки советских властей «надавить» на китайские власти путем «ущемления» торговли с провинцией с целью ускорить подписание соглашения производили на дуцзюна впечатление, как писал Э.К. Озорнин, «до обидности малое, а наши обещания громадных торговых операций в Синьцзяне по окончании переговоров, производят на него впечатление еще меньшее» [1. Л. 85]. Но как только произошли «недоразумения» в Афганистане, в результате которых советские войска были выдвинуты к Кашгарской границе, как дуцзюн пошел на ряд значительных уступок по целому ряду серьезных вопросов. По твердому убеждению уполномоченного, «...один слух о возможности движения монгольских войск в Синьцзян, сразу дал бы нам возможность подписать соглашение, имея спорные статьи в нашей редакции» [1. Л. 85].

Таким образом, китайцы были заинтересованы в урегулировании отношений с СССР и преследовали не столько экономические интересы, как до начала переговоров предполагали в аналитическом отделе Ближнего Востока МИД СССР и большинство исследователей, но в большей степени политические. В ходе переговорного процесса были сделаны верные выводы о том, что влиять на дуцзюна можно посредством мероприятий не только экономического или узкоторгового характера, но и, как выражался Э.К. Озорнин, «...оставляя его всегда с уверенностью возможной для него с нашей стороны угрозы... и использовать ее в качестве неплохого дипломатического маневра» [1. Л. 64об]. Окончательного подписания

советско-синьцзянского Временного торгового соглашения в рассматриваемый период так и не произошло. Его проект был изъят уполномоченным СССР из законодательной комиссии. После того как было получено сообщение о подписании 31 мая 1924 г. соглашения «об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» [3. Т. 7. С. 331–345], которое в некоторой степени урегулировало правовые отношения между двумя государствами и легализовало часть статей, заложенных в договор с Синьцзяном.

Отказ от подписания Временного торгового соглашения вызвал неоднозначную реакцию в высших кругах советской власти. Ряд известных политических деятелей, таких как Г.В. Чичерин, настаивали на разрыве соглашения с провинцией Синьцзян, объясняя свою позицию тем, что после общего договора с Китаем продолжение переговоров в Урумчи не только не целесообразно, но и являлось бы актом проявления нелояльности в отношении Пекина. Другая группа советских политических деятелей, связывала отказ подписывать практически готовое соглашение вследствие уступок, полученных Советским Союзом в Пекине, а Синьцзянскую провинцию предполагалось использовать в качестве разменной монеты в переговорах с Центральным китайским правительством. Такая позиция была основана на еще доминирующем убеждении о полном контроле над Синьцзяном со стороны Пекина, включая и торгово-экономическую деятельность, а также бытующем мнении о полной экономической зависимости провинции от Советского Союза.

Между тем ряд известных советских политических деятелей, реально владеющих ситуацией в Синьцзянской провинции, в их числе уполномоченный по ведению переговоров в Урумчи Э.К. Озорнин, предупреждали Москву о том, что «не вполне точно понята (Москвой) синьцзянская

обстановка и в силу этого заинтересованность в нас переоценена» [1. Л. 144]. По его прогнозам, в Синьцзяне после разрыва переговоров могла сложиться ситуация, при которой торгорганам Внешторга в ряде округов провинции, в частности в Кульдже и особенно Чугучаке, пришлось бы преодолевать значительные трудности в борьбе за право присутствия на этих рынках, что, несомненно, отразилось бы на их деятельности. Тем более что после подписания договора в Пекине, писал Э.К. Озорнин члену коллегии НКВТ Я.Д. Янсону, «...нам будет нелегко найти способ давления на местные китайские власти» [1. Л. 144]. Предостережения уполномоченного в Москве не посчитали серьезными, в результате чего переговоры в Урумчи были прерваны. Как оказалось позднее, Э.К. Озорнин был прав в своей оценке ситуации, сложившейся в Синьцзяне. Отказ со стороны СССР от подписания почти готового Временного торгового соглашения с провинцией оказал негативное влияние на дальнейшее развитие торгово-экономических отношений между двумя сопредельными территориями, и советскому государству впоследствии пришлось приложить немало усилий для того, чтобы ее переломить. Практически единственным положительным результатом этого этапа переговоров можно считать взаимное открытие консульств, но основная задача переговоров так и не была решена, а именно, по-прежнему отсутствовал правовой базис для работы органов НКВТ в Синьцзяне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский государственный архив экономики* (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 3. Д. 1957.
2. *Российский центр хранения и изучения документов Новейшего времени* (РЦХИДНИ). Ф. 514. Оп. 1.
3. *Документы внешней политики СССР*. М.: Политическая литература, 1963. Т. 7. С. 331–345.